Цезарь Ломброзо

Происхожденіе поцѣлуя

(Cesare Lombroso—«L'origine du baiser»)

Переводъ съ французскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Владислава Вроблевскаго

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 15 ноября 1895 года.

Типографія А.

I.

Мы, представители сильнаго пола, отуманенные нашей постоянной, неодолимой жаждой любви, часто воображаемъ себѣ, будто любовь — единственная цѣль, единственное назначеніе женщины. И не только женщины; мы думаемъ то же и о самкахъ животныхъ. Но въ дѣйствительности, пробѣгая глазами длинную зоологическую лѣстницу живыхъ существъ, мы видимъ, что главная, настоящая задача всякой самки не въ томъ, чтобы любить, а въ томъ, чтобы быть матерью.

У животныхъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ отецъ не вмѣшивается вовсе въ воспитаніе своего потомства: этимъ дѣломъ занимается одна мать, и у нея при этомъ развиваются совершенно особенные инстинкты, дивныя чувства, а иногда даже новые органы.

Такъ, самки пауковъ обволакиваютъ свои яйца паутиной и носятъ ихъ съ собой повсюду до тѣхъ поръ, пока не вылупятся личинки.

У многихъ насѣкомыхъ (какъ отмѣчаетъ Эспинасъ) самка въ своей изумительной предусмотрительности и заботливости приготовляетъ для своего потомства, котораго она не увидитъ, какъ не видала своей матери, запасы особенной пищи, совершенно отличной отъ той, которою питается она сама.

У насѣкомыхъ, принадлежащихъ къ классу прямокрылыхъ, хотя, правда, самки нѣкоторыхъ видовъ и кладутъ свои яйца, гдѣ придется, нисколько не заботясь объ участи молодого поколѣнія, которое изъ нихъ вылупится, большею частью мать выказываетъ самую предусмотрительную заботливость о своихъ будущихъ дѣтяхъ и принимаетъ всѣ мѣры для того, чтобы обезпечить ихъ достаточнымъ запасомъ пищи и охранить отъ хищныхъ враговъ.

У пчелъ и муравьевъ воспитаніе молодого поколѣнія представляетъ общественную, коллективную повинность, которую исполняютъ безполыя особи-самки, отрекшіяся отъ своего пола именно для того, чтобы посвятить себя материнскимъ обязанностямъ, самымъ утомительнымъ и самымъ тяжелымъ, — обстоятельство, которое слѣдуетъ признать за вѣское подтвержденіе доказываемаго мною тезиса. Когда царица пчелъ случайно умретъ, не успѣвъ положить яицъ, то пчелы перестаютъ работать и умираютъ тоже.

У птицъ материнскіе инстинкты во время высиживанія яицъ и вывода птенцовъ проявляются съ большой силой и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: такъ, напр., индюшки для охраны своего потомства отъ индюковъ соединяются вмѣстѣ въ стада, иногда по 40 и 60. Извѣстно, съ какимъ рвеніемъ голубка предается высиживанію своихъ яицъ; во время послѣдней осады Парижа, въ франко-прусскую войну, разорвало какъ-то разъ бомбу рядомъ съ голубкой, сидѣвшей на яйцахъ; и послѣдняя все-таки не покинула своего поста.

У млекопитающихъ материнскія обязанности лежатъ еще исключительнѣе на самкахъ. У нѣкоторыхъ видовъ обезьянъ мать не переживаетъ смерти своего дѣтеныша, какъ будто этотъ составлялъ часть ея организма.

Материнское чувство — всегда альтруистическое отправленіе, даже если оно выражается только и единственно въ томъ, что самка положитъ яйца, ни мало не заботясь о дальнѣйшей судьбѣ своего потомства. Въ этомъ случаѣ проявляется физическій альтруизмъ, представляющій, по Спенсеру, основу альтруизма вообще. Физическій же альтруизмъ проявляется и у простѣйшихъ животныхъ, когда одна особь раздѣляется на нѣсколько частей, изъ которыхъ, затѣмъ, каждая развивается въ новое существо. Этотъ-то физическій альтруизмъ и представляетъ зачатокъ психическаго альтруизма, проявляющагося на высшихъ ступеняхъ зоологической лѣстницы въ формѣ материнской любви.

Материнское чувство до такой степени альтруистическое отправленіе, что нерѣдко самки, лишившіяся своихъ дѣтенышей, выкармливаютъ молодыхъ животныхъ другихъ видовъ. Такъ, Романесъ [1]) видѣлъ зайчатъ и щенятъ, вскармливаемыхъ кошками, молодыхъ канареекъ и павлиновъ, воспитываемыхъ курами. Мало того, онъ говоритъ даже объ одной кошкѣ, всегда неутомимо охотившейся за мышами, которая, лишившись своихъ котятъ, выкормила семейство мышатъ.

Не удивительно,—принимая все это въ соображеніе,—если материнское чувство развиваетъ у самокъ и спеціальные органы для удобнѣйшаго воспитыванія маленькихъ, не встрѣчающіеся у самцовъ. Таковы грудныя железы млекопитающихъ. Сюда же, какъ это отмѣтилъ Brooks, надо отнести и жало, которымъ самки нѣкоторыхъ видовъ насѣкомыхъ пользуются для заготовленія пищи своимъ будущимъ дѣтямъ-личинкамъ, которыя вылупятся изъ положенныхъ ими яицъ: онѣ колятъ этимъ оружіемъ, выдѣляющимъ особый ядъ, разныхъ паучковъ и т. п. въ нервные узлы; несчастная жертва

[1]) Romanes, L'évolution mentale chez les animaux, Paris, 1884.

впадаетъ въ параличное состояніе, *но не умираетъ*, однако, и *благодаря этому не разлагается*. Заботливая мать помѣщаетъ достаточный запасъ такой полуживой и потому свѣжей добычи рядомъ съ яйцами, и личинки, вылупившись въ свое время, утоляютъ ею голодъ. Мы видимъ, что материнское чувство здѣсь вызвало особыя химическія измѣненія въ выдѣляемомъ самками ядѣ.

Материнскій же органъ представляетъ и сумка сумчатыхъ животныхъ — теплая мошна съ сосцами, въ которой мать держитъ и носитъ свое потомство.

II.

Я убѣдился, что спеціально материнскимъ органомъ должно считать и тѣ характеристическія заднія *жировыя подушки*, которыми одарены женщины нѣкоторыхъ низшихъ африканскихъ племенъ (готтентотки, бушменки) и которыя служатъ какъ бы естественною колыбелью и даютъ возможность матерямъ свободно заниматься хозяйствомъ, не покидая дѣтей. Въ моемъ трудѣ „Бѣлые и цвѣтные люди" (Homme blanc et homme de couleur) я высказалъ гипотезу, что такіе жировые наросты могли развиться постепенно въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ и поколѣній, вслѣдствіе обычая привязывать и переносить дѣтей именно на томъ мѣстѣ, о которомъ идетъ рѣчь, и преобразиться въ органъ постоянный, въ явленіе физіологическое. Въ настоящее время эта гипотеза становится почти достовѣрностью, послѣ того какъ я констатировалъ профессіональные наросты, постоянно встрѣчающіеся у носильщиковъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя подвергаются наибольшему давленію тяжелыхъ грузовъ [1]), и послѣ того какъ Блэнвилль,

[1]) Le lipome des Hottentotes, etc. Bruxelles, 1872.

изслѣдовавъ эти странныя опухоли, показалъ ихъ чисто жировую природу и выяснилъ, что въ ихъ образованіи не играютъ роли никакія атавистическія явленія.

Намъ могутъ возразить, что у всѣхъ почти племенъ и во всѣхъ климатахъ дикарки-матери обращаютъ свою спину въ дѣтскую колыбель, начиная съ древней перуванки, какъ это можно видѣть на гончарныхъ изображеніяхъ, имѣющихъ 2000-лѣтнюю давность, и кончая самоѣдкой полярныхъ странъ. Однако, ни та, ни другая не имѣютъ естественной подушки, которою одарена готтентотка. Но на это есть особыя причины.

Я думаю, что готтентотка — подобно верблюду — какъ бы живое ископаемое или, лучше сказать, собратка нашихъ доисторическихъ праотцовъ; за такое многовѣковое существованіе она могла сильно измѣниться. Жировыя подушки, повидимому, существовали добрыхъ 3000 лѣтъ тому назадъ. Въ гробницѣ Тотмеса II найдена картина, на которой представлены разные народы, приносящіе свою дань, и на этой картинѣ въ числѣ другихъ фигуръ изображена женщина съ дочерью, имѣющія обѣ жировыя подушки.

На развитіе этихъ наростовъ имѣетъ, безъ сомнѣнія, очень большое вліяніе климатъ. Они особенно распространены въ Южной Африкѣ между женщинами бушменовъ, кафровъ, бонго, корановъ. Ливингстону случалось встрѣчать такія жировыя подушки и у дѣвушекъ боэровъ—потомковъ голландскихъ выходцевъ.

Надо еще отмѣтить при этомъ, что въ Африкѣ полнота считается красотой. Богатыя женщины нарочно пьютъ много молока и пива, чтобы пополнѣть. Матери заставляютъ своихъ дочерей пить молоко и пиво, постоянно все въ большихъ и большихъ дозахъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ и мужчины очень сильно толстѣютъ, и преимущественно въ бокахъ, такъ что ихъ

полнота представляетъ извѣстное сходство съ жировыми образованіями женщинъ. Во время голодовокъ эта полнота пропадаетъ, для того чтобы проявиться вновь при обиліи пищи.

Бушменки, которыя не такъ склонны къ тучности, какъ ихъ сосѣдки готтентотки, имѣютъ рѣже и жировыя подушки, о которыхъ идетъ рѣчь.

Если у особей даннаго племени жировыя ткани изобилуютъ во всемъ тѣлѣ вообще, то тѣмъ сильнѣе онѣ будутъ развиваться въ тѣхъ мѣстахъ, которыя наиболѣе подвергаются давленію и раздраженію. И этимъ легко объясняется образованіе у готтентотки какъ бы новаго органа, чисто материнскаго, воспроизводимаго по наслѣдственности изъ поколѣнія въ поколѣніе, вслѣдствіе тѣхъ удобствъ, которыя онъ доставляетъ при выращиваніи дѣтей.

Кромѣ того, чрезвычайно большую роль играетъ при этомъ и половой подборъ; готтентотка тѣмъ больше нравится своимъ соплеменникамъ и тѣмъ легче находитъ мужа, чѣмъ объемистѣе ея жировая масса [1]).

Смитъ разсказываетъ объ одной женщинѣ, славившейся своей красотой, у которой нижняя часть тѣла была такъ обширна, что „красавица", сѣвъ на плоскую землю, не могла уже вставать и для того, чтобы обуваться, должна была отыскивать какой либо пригорокъ. Нѣчто подобное этой страсти къ дородству можно встрѣтить и у нѣкоторыхъ европейцевъ, которыхъ я назову половыми психопатами; во всякомъ городѣ между „жертвами общественнаго темперамента" есть женщины безобразно толстыя, у которыхъ дѣла идутъ прекрасно.

---

[1]) Anthrop. Review, 1884.

III.

Но тутъ и начинаетъ проглядывать тотъ законъ, который я высказалъ, что *второстепенные материнскіе органы дѣлаются второстепенными же половыми органами*, потому что подушка готтентотки становится настоящимъ второстепеннымъ половымъ органомъ. Чѣмъ ближе мы подвигаемся къ цивилизаціи, тѣмъ больше женщина одерживаетъ верхъ надъ самкой и тѣмъ больше половая любовь вторгается въ область материнскаго чувства.

То, что мы сказали объ естественныхъ подушкахъ африканокъ, примѣнимо и къ груднымъ железамъ, которыхъ волнистые контуры такъ вдохновляютъ европейскихъ поэтовъ и европейскихъ любовниковъ.

У всѣхъ же дикихъ народовъ, даже африканскихъ, женщины такъ мало знаютъ чувство любви и такъ тѣсно ограничиваютъ свою жизнь заботами материнства, что— какъ разсказывалъ мнѣ одинъ очень извѣстный путешественникъ Robecchi — европеецъ, который станетъ подшучивать надъ обнаженной грудью африканки или абиссинки, вызываетъ въ присутствующихъ такое же недоумѣніе, какое произвелъ бы у насъ кто нибудь, кто сталъ бы съ какими либо игрывыми намеками говорить о физическихъ недостаткахъ женщины. Точно также и губы, этотъ органъ поцѣлуя, въ началѣ представляли второстепенный материнскій органъ и лишь впослѣдствіи превратились въ эротическій.

Почти у всѣхъ дикихъ народовъ, и даже у народовъ полуцивилизованныхъ, включая и японцевъ, поцѣлуй, какъ символъ любви, не извѣстенъ. Также и у новозеландцевъ, сомалисовъ, эскимосовъ [1]) и пр. Левинъ

---

[1]) См. Burton, d'Urville.

замѣтилъ, что племена, живущія по холмамъ Читагана, не говорятъ: „поцѣлуйте меня“, а „понюхайте меня“.

Я полагаю, что поцѣлуй возникъ путемъ медленнаго превращенія материнскаго акта, именно того, посредствомъ котораго птица кормитъ своихъ птенцовъ—изъ клюва въ клювъ. Извѣстно, что къ такому именно пріему обыкновенно прибѣгаютъ женщины о. Фиджи, когда даютъ пить своимъ груднымъ младенцамъ. У жителей о. Фиджи нѣтъ никакихъ сосудовъ для питья, и взрослые утоляютъ свою жажду прямо изъ ручья, помощью трубочки, а младенцамъ пришлось бы умирать отъ жажды, если бы матери не вмѣшивались въ это дѣло и не поили ихъ, впуская имъ въ ротъ прямо изъ своего рта ту воду, которую онѣ только что набрали [1]).

Я полагаю, что именно отъ того акта, какой иногда можно видѣть какъ продѣлываютъ нѣкоторыя птицы и, по атавизму, наши матери и любовницы, и возникъ первый поцѣлуй, который, несомнѣнно, носилъ болѣе характеръ материнскаго чувства, нежели любовной страсти.

И это еще новое доказательство тому, что въ природѣ роль матери первенствуетъ предъ ролью любовницы.

Я утвердился еще больше въ этомъ мнѣніи, убѣдившись, что въ поэмахъ Гомера и Гезіода нельзя отыскать ни единаго слова ни объ устахъ, ни о персяхъ, ни о поцѣлуѣ — въ эротическомъ смыслѣ, а исключительно въ смыслѣ материнскомъ.

Въ греческомъ языкѣ менѣе древнемъ *поцѣлуй* обозначается словомъ φίλημα (отъ φιλέω), а *цѣловать*—φιλεῖν τῷ στόματι (при чемъ, однако, τῷ στόματι можетъ быть опущено), т. е. *„любить устами“*. Но Гомеръ говоритъ κυνέω (санскритское kusyâmi отъ kus, цѣловать, лобызать, обнимать [2]).

[1]) Revue Scientifique, décembre ,1892.

[2]) Что касается латинскаго языка, то см. A. Vanickek, Etymol. Wörterbuch der lat. Sprache, Leipzig, 1874, стр. 214. Относительно греческаго см. также Curtius, Grundlage der gr. Etymol., Leipzig, 1873, *passim* и пр. M. Prellwitz, Etym. Wörterbuch der gr. Sprache, Göttingen, 1892, *passim*.

Но Гомеръ говоритъ лишь о поцѣлуяхъ сыновней любви и просящихъ и умоляющихъ. Гекторъ въ сценѣ съ Андромахой не цѣлуетъ ея, а лишь ласкаетъ ее рукой. Поцѣлуй не упоминается нигдѣ ни по поводу Марса и Венеры, ни по поводу Одиссея и Цирцеи или Калипсо, ни по поводу Париса и Елены (Иліада III, 447—448), а также Гера съ Зевсомъ, въ сценѣ, описанной въ Иліадѣ (XIV, ст. 346—351), не обмѣниваются поцѣлуями.

У Гомера нельзя найти ни одного эпитета, которымъ характеризовались бы губы и перси ни Елены, ни Бризенды, ни Калипсо, ни Цирцеи. Въ Иліадѣ, правда, когда говорится о томъ, что Гекторъ отдаетъ сына Андромахѣ, упоминается объ ея *благовонной* груди (VI, 483), но слово κόλπος—грудь, лоно—не имѣетъ никакого эротическаго значенія; оно значитъ именно грудь, не груди.

Подобное же можно сказать и о Гезіодѣ.

Разъ Гомеръ не говоритъ ни о губахъ, ни о груди, ни о поцѣлуяхъ Елены и Бризанды въ Иліадѣ, или Цирцеи и Калипсо въ Одиссеѣ, то, значитъ, женская грудь еще не возбуждала чувства желанія, а поцѣлуй былъ лишь символомъ материнской любви. Въ древнеегипетскомъ языкѣ изъ пяти іероглифическихъ словъ, относящихся къ названію поцѣлуя, четыре (Sexer, Hepet, Auch, Cheron) изображаются знакомъ *двухъ рукъ*, и лишь одно, да и то не вполнѣ установленное (Huhc), знакомъ *рта съ зубами*.

Въ санскритскомъ языкѣ kusyâmi означаетъ *цѣловать* и *обнимать*, и отсюда произошло нѣмецкое Kuss

и греческое κυνέω, цѣломудренный смыслъ котораго я доказалъ выше.

Въ древнихъ индійскихъ поэмахъ (Maha-baratha и Ramayana) я почти нигдѣ не нахожу слѣда эротическихъ поцѣлуевъ; тамъ попадаются лишь материнскіе поцѣлуи, тогда какъ въ позднѣйшихъ индусскихъ поэмахъ насчитываютъ до двѣнадцати видовъ поцѣлуевъ. Неупоминаніе объ эротическомъ поцѣлуѣ въ болѣе древнихъ поэмахъ Индіи и Греціи свидѣтельствуетъ о томъ, что поцѣлуя не существовало еще тогда—такъ же, какъ его не существуетъ въ настоящее время у дикарей и у азіатовъ, какъ онъ отсутствуетъ въ ребенкѣ, который лишь очень поздно научается цѣловаться.

Касательно атавистическихъ любовныхъ знаковъ и жестовъ я долженъ сдѣлать еще одну послѣднюю гипотезу. Мы знаемъ, что дикари привѣтствуютъ другъ друга словами: „понюхай меня", что бирманцы понимаютъ подъ словомъ *привѣтствіе* вдыханіе запаха (nom-запахъ, tschi-вдыханіе), что китайцы при встрѣчахъ съ друзьями соприкасаются другъ съ другомъ носами, какъ и японцы, или же слегка прикасаются носомъ къ щекамъ, точь-въ-точь какъ дѣлаютъ наши дамы при встрѣчѣ съ подругами, показывая видъ, будто онѣ цѣлуются. Принимая во вниманіе, что обнюхиваніе щекъ не можетъ имѣть само по себѣ никакого смысла и значенія (ибо въ щекахъ нѣтъ ничего интереснаго для обонянія), легко придти къ заключенію, что это остатокъ, первоначальный жестъ фырканія, которое наблюдается физіологически у ословъ и лошадей, и что у этихъ животныхъ это признакъ сильнѣйшаго возбужденія чувствъ. Изо всѣхъ этихъ замѣчаній вытекаетъ, что второстепенные органы любви не существовали у первобытной женщины, какъ ихъ не существуетъ у животныхъ. Любовь, если можно было тогда ее такъ на-

звать, выражалась, какъ у животныхъ, половыми органами. Цивилизація породила стыдливость, устранивъ наготу, и уходъ за тѣломъ способствовалъ уменьшенію запаха, признака половой зрѣлости женщины, который въ прежнія времена привлекалъ и возбуждалъ мужчину. Тогда материнскіе органы женщины (перси и губы) превратились въ органы любви. И только тогда женщина, много вѣковъ спустя послѣ мужчины, начала татуироваться, а затѣмъ и наряжаться; кокетство довершило остальное. Тогда и любовь стала опредѣляться выборомъ по красотѣ, котораго не существовало въ первые вѣка человѣчества и который знаменуетъ прогрессъ человѣчества въ любви и посредствомъ любви.
